СОКРАЩЕННОСТИ

достопамятныхъ произшествій,

Изъ сочиненія Господина д' Арно; названнаго имъ:

ЧТЕНІЕ ПО СЕРДЦУ ЧЕЛОВѢКА ЧУВСТВИТЕЛЬНАГО,

Изданнаго въ 1786, по соблагоизволенію Королевскому.

МѢСЯЦЪ МАІЙ,

МОСКВА,
въ Сенатской Типографіи у В. Окорокова.
1794 года.

Съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ.

МѢСЯЦЪ МАЙ.

ПОДВИГЪ одного изъ Рыцарей минувшихъ временъ.

Между Рыцарями въ Гишпанїи, во время свое, отличался отъ прочихъ *Донъ Корлосъ-Орнандецъ*. Доставилъ онъ себѣ великую славу многими единоборствами съ Мавританами, которые наконецъ принуждены были признать превосходство его надъ витязями своего народа. Гренада была еще подъ властїю послѣднихъ. *Абдали*, прозванный *Малымъ*, царствовалъ страною сею. Два семейства, извѣстныя въ исторїи подъ имянами *Цегрисовъ* и *Абенсераговъ*, винотворствовали ко многимъ междоусобїямъ, ускорителямъ, безъ всякаго сомнѣнїя, изгнанїя Мавританъ изъ Европы.

Альбен - Гаметъ знатнѣйшїй во *Абенсерагахъ*, вооруженною рукою покорилъ себѣ земли, принадлежавшїя *Донъ*

Карлосу; ни какія насильства, самыя лютѣйшія, толико не соотвѣтствующія праву войны, не были отъ него забыты надъ жителями оныхъ. . . . . Гишпанецъ заклинается мстить образомъ наигромчайшимъ; нажидаетъ только удобности случаевъ. Къ каждому изъ земляковъ своихъ, подобно же разоряемыхъ, съ помощію всюду поспѣшаетъ. Поражая онъ храбреца за храбрецомъ вражескихъ, мнитъ такой же нанести ударъ и *Альбен-Гамету*; но какъ не удается ему сіе, то посылаетъ къ нему вызовъ къ личному одинъ на одинъ сраженію. Неожидаемый переворотъ въ народѣ Мавританскомъ, или инако Аравитскомъ, отвлекаетъ *Донъ-Карлоса* отъ произведенія того въ дѣйствіе.

Фатьма, обожаемая супруга Царя *Абдалія*, красоты удивительныя, имѣвшая душу высокую, въ добродѣтеляхъ простиравшаяся, покровительница наукъ и художествъ, именовалася даже и отъ Христіянскихъ Рыцарей наипрекраснѣйшею въ свѣтѣ. *Абдали* учреждаетъ, благоугождая ей, торжество въ *Генералифѣ*, раюподобномъ сельскомъ жилищѣ своемъ, въ близости отъ Гренады. Въ садахъ онаго истощены были всякія выдумки человѣческія: ничего не недоставало къ восхищенію чувствъ. Одна токмо Фатьма имѣла право проводить тамо время съ *Абдаліемъ*.

Враж-

Вражда между *Цегрисами* и *Авенсерагами* восходитъ на самую вышшую степень . . . . . Изъ страстей человѣческихъ ни которая не есть столь жарка и ненасытима, какъ зависть. *Цегрисамъ* мало казалось, что низвергли въ не милость *Абдаліеву Альбенъ-Гамета*, знатнѣйшаго отъ *Авенсераговъ*, прискиваютъ истребленіе вообще всѣхъ носящихъ имя сіе. (а).

Въ нѣкій день продолженія сказаннаго торжества, Фатьма прогуливаясь въ садахъ Генералифскихъ вошла на нѣсколько минутъ успокоиться въ высокую бесѣдку, называнную *уборнымъ столомъ Королевинымъ* Какъ только скоро успѣли, по обычаю восточныхъ народовъ, возкуриться руками прислуживающихъ ей женщинъ благовонія въ жаровняхъ, *Альбен-Гаметъ*, осмѣливаемый не давно минувшею силою своею при дворѣ, представляется Царицѣ, упадаетъ къ ногамъ ея и говоритъ: . . . . . „Государыня! ты одна „можешь быть моею спасительницею. „Злодѣи мои лишили меня милости „*Абдалія*; тебѣ извѣстна вѣрность моя „къ нему . . . . . Какое дерзновеніе! „бѣги отсюда; оба погибли мы, ежели „кто-нибудь увидитъ тебя здѣсь„.

(а) Какъ оное читать можно во исторіи Гишпанской.

Альбен-Гаметъ удаляется; Фатьма поспѣшаетъ умилостивлять Царя къ первому; подступаетъ къ нему; но къ неизреченному ужасу своему и удивленію видитъ его внѣ себя отъ гнѣва. Едва излетѣло отъ устъ ея имя *Абенсерага*, слышитъ слѣдующія слова: . . . . „Молчи преступница, недостойная любви „моей! Вѣдаю уже, что просишь ты „за любовника своего; вѣдай же и ты, „что нечестивецъ сей и все его семейство, столь праведно ненавидимое „мною, въ сей же самой день истребится; насыщу мщеніе, или, точнѣе назвать, правосудіе мое. . . . Онъ безвиненъ предъ тобою. . . . У твоихъ „ногъ видѣли его . . . . . Государь! у „нихъ искалъ помощи отъ любви твоей ко мнѣ, которыя ты меня лишаешь не заслуженно; просилъ о возвращеніи милостей твоихъ къ нему„. . . .

Абдали не внемлетъ, не трогается объятіями колѣней его, слезами обливаемыхъ, прогоняетъ отъ себя несчастную, тщетно заклинавшуюся въ невинности своей и *Абенсераговой*.

Нѣкто изъ развѣдывателей отъ *Цегрисовъ*, не спускавшихъ глазъ съ *Альбен-Гамета*, увидѣвъ его предъ Султаншею, въ туже самую минуту увѣдомилъ о томъ *Абдалія*. Сей оставляетъ тотъ часъ Генералифъ, уединяется во Альгамбрѣ, увеселительномъ же домѣ своемъ.

Не-

Непрїятелямъ *Гамета* легко было ревностїю раздираемое сердце вывесть изъ всякихъ предѣловъ. Фатьма неотступно проситъ допуска своего къ Царю, но тщетно.

Альбен-Гаметъ уже подъ стражею; уже готовится ему позорная казнь. Всѣ *Абенсераги* бываютъ влачимы въ великую храмину, которая именовалася, *храминой Львовъ*; одинъ за другимъ обезглавливаются при самомъ вступленїи во оную; трупы брошены въ существующїй еще и доднесь алебастровый водоемъ, кровїю отъ того наполнившейся. Остатокъ злощастнаго семейства сего, бывъ увѣдомленъ о случившемся отъ одного вѣрнаго раба, разсѣвается за рубежами отчизны.

Вводятъ и Фатьму въ двери сказанной храмины. *Абдали*, во изступленїи отъ ярости, указавъ ей на голову *Гамета*, возопилъ къ ней: . . . . „ Насыть „ глаза твои лицемъ твоего прелестника! . . . . . „ Губитель невин„ ности! страшися мщенїя небесъ „ . . . . *Абдали* обнажаетъ мечь свой: она падаетъ, лишается чувствъ: подъятая уже рука удерживается; Султаншу заключаютъ въ темницу.

Надлежало, по тогдашнимъ обычаямъ, или умереть Фатьмѣ отъ рукъ палачей, или бы нашелся какой Рыцарь защищать ея невинность единоборствомъ.

ствомъ. *Магомедъ*, братъ *Альбен-Гамета* примышляетъ обрѣсти онаго между Рыцарями Христіянскими. Вѣдалъ онъ, что *Донъ Карлос-Орнандецъ* паче всѣхъ прочихъ прославился храбростію; посылаетъ къ нему нарочнаго съ письмомъ содержанія таковаго:

Знаменитый христіянинъ!

„Пишу къ тебѣ въ надеждѣ, вливаемой въ каждаго къ особѣ, соединяющей въ душѣ своей доблести и мужество. Не не вѣдаю, сколько ты нѣкогда обиженъ былъ братомъ моимъ *Альбен-Гаметомъ*; но его уже нѣтъ на свѣтѣ. Разность религій нашихъ съ тобою не умаляетъ достовѣрности моей, что ты паче всѣхъ иныхъ восхощешъ быть мстителемъ за невинность. Единаго истиннаго признаемъ мы съ тобою Бога; его именемъ заклинаю тебя, вступись за несчастную Фатьму, жертву злобы и клеветы. Осуждена она умереть позорно; день казни ея уже близокъ; явися въ Столицу нашу, облеченный во всѣ витязьскія твои доспѣхи; сопутствуйся нѣсколькими изъ подобныхъ же тебѣ въ храбрости Рыцарей; возъединоборствуй съ нечестивыми клеветниками противу непорочной Царицы сей; порази ихъ и да возодолженствуетъ она тебѣ возвращеніемъ и чести, и жизни.„

Наступилъ день казни. Фатьма выводится изъ темницы; видятъ ея спокойною духомъ, даемымъ страданіями праведниковъ. Обращаетъ взоры окрестъ себя; но ни откуда нѣтъ для ней защитника. Глубоко воздохнувъ произнесла: . . . . „ И такъ невинность пріи„ метъ кару злодѣйства! вѣчный срамъ „ покроетъ память моего имени. Небе„ самъ только извѣстна истинна . . . . „ Боже! тебя единаго призываю на „ помощь „.

Тьмочисленные зрители, окружавшіе мѣсто сіе, хранятъ мрачное молчаніе . . . . Уже Султаншу возводятъ на костеръ; уже оный зажигаютъ . . . . . Вдругъ взволновался народъ, всадники протѣсняются сквозь оный . . . . . То былъ *Орнандецъ* съ нѣсколькими послѣдователями за нимъ, возгласилъ онъ къ предстоявшимъ: . . . . . „ Я и товарищи мои „ одну имѣемъ душу, одно имѣемъ сердце. „ Невинность Султанши готовы мы дока„ зать оружіемъ: да сражается съ нами, „ кто хощетъ. Фатьма не одной съ нами „ религіи; но Богъ нашъ, есть Богъ „ вселенной всей: онъ повелѣваетъ намъ „ защищать истинну, вступаться за „ невинность. Кажитесе же намъ спле„ татели на нее лжи наигнуснѣйшія, и „ пріимите отъ руки моей и спобор„ никовъ моихъ достойную мзду. „ . . . . Рыцари христіянскіе за словами сими

бросили предъ собою перчатки свои. Нѣкоторые изъ *Цегрисовъ* оныя поднявъ представляются имъ. *Орнандецъ* прежде нежели на нихъ устремился, произносить громко: . . . . „ Боже Христїянскїй! яви днесь правосудїе твое и „ всемощїе! да исторгнемъ жизнь изливателей яда клеветы . . . . Всѣмъ и „ предъ всѣми утверждаю я и товарищи „ мои, что Султанша безвинна „.

Начался бой; Сарацыны одинъ за другимъ побѣждаемы бываютъ Гишпанцами, прїемлютъ смерть отъ ихъ рукъ. Зрители, забывъ что послѣднїе были разновѣрцы съ ними, рукоплесканїями и радостными кликами наполняютъ воздухъ: толико-то не сомнѣвался никто о правости Фатьмы.

Сїя, чрезъ все то время лишавшаяся чувствъ, открываетъ глаза при самомъ подступленїи къ ней *Орнандеца*. Собравъ силы говоритъ ему: . . . . . „ Великодушный мой защитникъ! достойный „ покровитель мой! чѣмъ воздать тебѣ „ могу? . . . . попусти, чтобъ покрывало мое, рѣками слезъ моихъ омоченное, было всегда съ тобою при всѣхъ „ дѣйствїяхъ доблестей твоихъ и добродѣтелей . . . . Государыня! прїемлю „ знакомъ милости твоей выше всякїя „ цѣны; но позволь раздѣлить оное съ „ мужественными моими споборниками, „ и получать право подобно же хва-

„ лить-

„ литься снисхожденіемъ твоимъ: ибо „ ни какія награды мы не заслуживаемъ. „ Сподобяся спасти жизнь и честь не„винности, исполнили только долгъ „ нашъ „ .

Абдали, между тѣмъ, приближася къ Султаншѣ, обьемлетъ ея, признаетъ велегласно свою несправедливость противу ея, и отъ того часа становится примѣромъ наивлюбленнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ мужей. Всѣ, оставшіеся *Абенсераги* призваны, возстановлена прежняя ихъ знатность, прежнее могущество *Цегрисы* отдалены отъ двора и милостей Царя; Гишпанцы же, по оказаніи имъ всякихъ почестей и угощеній, со славою возвратились въ своя.

ДОНЪ АЛОНЗО
и
НУГВЕЦЪ.

Донъ Алонзо, Португальскій дворянинъ, возвратился изъ Бразиліи во отечество, наживъ въ странѣ сей не малое богатство, чтобъ по принятому имъ намѣренію, докончать дни свои въ безмятежности, удаленно отъ такъ называемаго большаго свѣта. Въ молодости претерпѣлъ онъ многія превратности счастія, учинившіяся ему паче полез-

ными, нежели всѣ тѣ умосоставленїя изящныхъ умовъ, которыя почти всякїй разъ опровергаются опытами и истинною. Научился уже надъ самимъ собою узнать, что многочисленныя знакомства съ людьми лутчими во обществахъ разумѣемыми, ни что иное, какъ смѣсь посмѣянїя достойныхъ пороковъ, не рѣдко же и злодѣйствъ подъ блестящею ларвою щегольства и мнимаго учтивства. Обычайнѣйшее упражненїе его было книги; другомъ имѣлъ одного только служителя своего, по справедливости заслужившаго сїю отличность: ибо спасалъ онъ жизнь его, любилъ его, какъ сынъ отца.

Нугвецъ [имя слуги] съ вѣрностїю разносилъ подаянїя *Алонзовы* къ подавляемымъ нищетою: ибо благорожденный сей человѣкъ, не взирая на нелюдимость его наружную, былъ самый щедрый, самый сострадательный изъ смертныхъ; а при томъ имѣлъ въ обычаѣ всячески скрывать свои благотворенїя.

Такому поведенїю казалось бы надлежало всегда защищать его отъ ударовъ рока; однако же не избѣжалъ оныхъ.

Близко отъ его пребыванїя жилъ Италїянецъ, именемъ *Фабрицїо*. Душа его вмѣщала въ себѣ собранїе всѣхъ развратностей, всѣхъ распутствъ, производимыхъ великими богатствами во многихъ. Высокомѣренъ, наглъ, суровъ, не

сно-

сносящїй ни отъ кого и ни какого противорѣчїя въ странныхъ своихъ прихотяхъ; не подвигъ спознакомиться съ честнымъ человѣкомъ, но одно не обмышленное любопытство наклоняетъ его искать обхожденїя съ Португальцемъ. Упрежденїя его на сей конецъ прїемлются съ холодностїю. *Алонзо*, твердый въ предпрїятїи уединенствовать, съ нѣкоторою примѣтною досадою отрѣваетъ ласки своего сосѣда. *Фабрицїо*, судя по не равности состоянїй между имъ и онымъ, находитъ небреженїе такое наказанїя достойнымъ.

Одного вечера срѣтаются они, прохаживаяся и тотъ и другой. Гордецъ вопрошаетъ, чего ради отклоняется отъ знакомства съ нимъ? Отвѣты показалися ему дерзостны; разговоръ чѣмъ далѣе, тѣмъ больше приводитъ обѣихъ въ разгорячeнїе; напослѣдокъ разстаются одинъ кипя мщенїемъ, другой, чтобъ не видѣться уже имъ болѣе ни когда.

Алонзо хочетъ оставить Лиссабонъ, избрать сельскую жизнь далеко отъ Столицы сей, и довольствоваться однимъ только сотовариществомъ вѣрнаго своего *Нугвеца*, который на то время отпущенъ отъ него былъ къ отцу его на нѣсколько дней. Во ожиданїи возвращенїя онаго не выходитъ изъ дома своего. Между тѣмъ вдругъ услышалъ множество голосовъ на улицѣ, идетъ на оную,

видитъ *Фабрицїя* мертва, пронзеннаго шпагою въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Толпа вооруженныхъ кидаются на *Алонза*, влекутъ, заключаютъ въ темницу, налагаютъ на него оковы, покидаютъ одного, желѣзная дверь опускается со звукомъ страшнымъ.... Все сїе происходитъ въ не многїя только минуты.

Узникъ, подобною незапностїю сраженный, долго безчувствуя приходитъ самъ въ себя:....„ Гдѣ я, за что? „ какое преступленїе мое? „

Твердость духа, подкрѣпляющая всегда невинность, оставляетъ его; полилися слезы, возводитъ глаза горѣ и произноситъ:....„ Боже! предъ „ тобою наги сердца, открой мнѣ, чѣмъ „ согрѣшилъ я противу человѣчества? „.... Тебя собственно не могъ я не„ прогнѣвать въ чѣмъ-либо, но подоб„ ные мнѣ сочеловѣки чѣмъ укорятъ „ меня? что навлекаетъ мнѣ отъ нихъ „ столь лютое насильство?.... „ Боже! въ нѣдра твои повергаюся, ибо „ всѣми кромѣ тебя оставляюся...... „ Ежели бы былъ теперь со мною лю„ безной мой *Нугвецъ*, раздѣлялъ бы, „ по крайней мѣрѣ, злоключенїе мое. „

Цѣлую недѣлю никто не входитъ къ *Алонзу*, кромѣ тюремнаго надзирателя, приносившаго къ нему по однажды въ день хлѣбъ и воду. Ни какїя просьбы несчастнаго не могли убѣдить его

и къ самымъ малѣйшимъ намѣканїямъ, за что онъ страждетъ ..... Напослѣдокъ вооруженными воинами притащенъ былъ предъ судей. Они винятъ его убїенїемъ *Фабриція*, и что онъ его обокралъ ..... „Я обокралъ? ..... „Такъ точно, ты его убилъ, и послѣ „унесъ его денги.„

Алонзо, собравъ разшибенныя столь ужасною неожиданностїю душевныя силы, и принявъ на себя величественной видъ, столь свойственной угнѣтаемой добродѣтели, отвѣчаетъ: ..... „Въ „жизни моей множество претерпѣлъ я „золъ, всякаго рода превратности не „миновали меня, не доставало только „поношенїя чести моей, верха злоклю„ченїй добраго человѣка! .... И попу„скаетъ Богъ столь противной ему „клеветѣ даже до того меня посра„мить? .... Я Португалецъ, отъ „Благородныхъ родителей, да и до„стоинъ того. ... Не уничижу себя „оправданїями лжи, которая омерзѣнїе „во мнѣ только производитъ. .... „Развѣдайте о поведенїи моемъ отъ са„мой моей колыбели до дня сего: всѣ „часы жизни моей явятся предъ вами „свидѣтелями, и не допустятъ васъ „ниже до самыхъ малѣйшихъ призра„ковъ подозрѣнїя на меня. ... Но ты „имѣлъ ссору съ *Фабриціемъ*; есть до„носители въ томъ. ... Правда, от„рекся

„ рекся я имѣть съ нимъ знакомство:
„ ибо бѣгу отъ людей вообще, пачеже
„ порочныхъ; теперь же и болѣе имѣю
„ къ тому причину. Правда и то, что
„ сошедшися съ нимъ, и бывъ отъ
„ него скучаемъ сказанными убѣжденїя-
„ ми, отзывался ему грубо и даже съ
„ угрозами; не я однако же его убїйца.
„ Что же до другаго обвиненїя меня,
„ честїю моею обязуюсь даже не развер-
„ зать предъ вами устъ моихъ. Болѣе
„ ничего отвѣчать мнѣ вамъ не остает-
„ ся. Не правосудцы, враги человѣчества,
„ пусть дѣлаютъ со мною что хотятъ:
„ предаю ихъ собственному ихъ несча-
„ стїю. Верховнѣйшїй Судїя есть Богъ
„ одинъ; къ нему возсылаю жалобу мою
„ на васъ; онъ одинъ всевѣдецъ: до-
„ вольно мнѣ, что невиненъ предъ его
„ очами. „

Отводится паки въ темницу. Вели-
кости злоключенїя учиняютъ его почти
бездыханна на долгъ часъ. Опомнился,
первый пришелъ къ нему на мысль
Нугвецъ, и какъ бы его предъ собою
видя, говорить началъ: . . . . . „ Другъ
„ мой! единственный мой другъ въ цѣ-
„ ломъ свѣтѣ, ни когда не бывалъ ты
„ столько достоинъ сего отъ меня на-
„ званїя. „

Беретъ перо въ руку, пишетъ слѣ-
дующее: . . . . . „ *Нугвецъ*! мѣсто, гдѣ
„ я теперь, узнаешъ по надписи внизу
„ пись-

„ письма сего. Господинъ твой, твой
„ благотворитель, другъ наивѣрнѣйшій,
„ слячен оковами, угрожается близкою
„ смертью. Обвиняютъ его убійствомъ,
„ а что еще того не имовѣрнѣе тебѣ,
„ кражею. Меня разумѣютъ пожертво-
„ вавшимъ жизнію *Фабриція* моему на
„ него гнѣву, и что я по томъ унесъ
„ отъ него денги . . . . Великій Боже!
„ не ужели злоба человѣческая даже до
„ того превозмогаетъ надъ непорочно-
„ стію? . . . . Превозмогаетъ всеконе-
„ чно. Умру другъ мой, умру позорно, и
„ будетъ переживать меня безчестная
„ по мнѣ память . . . . Поспѣшай, лети
„ во объятія мои, омочи слезами твоими
„ тяготящія меня желѣза, да утѣшуся
„ сколько нибудь хотя единожды предъ
„ концемъ моимъ; спѣши принять мои
„ издыханія. „

Нарочный посланъ съ письмомъ симъ къ *Нугвецу*, находившемуся тогда на нѣсколько дней путешествія отъ Лиссабона.

Родня *Фабриціева*, люди сильные, не допустили несчастнаго дождаться служителя своего. *Донъ Алонзо*, мужъ примѣрной добродѣтели и благонравія, осужденъ умереть отъ рукъ палача; а что умираетъ какъ тать, несравненно паче лишенія жизни терзаетъ его . . . . . . Присланная къ нему особа духовная, напутствовать къ вѣчности, совѣтуетъ

при-

прибѣгнуть къ Престолу; но *Алонзо* ему отвѣчаетъ: . . . . . . „ Оставляю мы-„ слить о земномъ и человѣкахъ. Бе-„ сѣдуй со мною, отче! объ единомъ „ токмо Создателѣ всяческихъ, предъ „ нимъ единымъ хочу быть не виненъ „

На конецъ поведенъ на лобное мѣсто: весь городъ Лиссабонъ стекается на оное. Ни кто не вѣритъ самъ въ себѣ, чтобъ толико извѣстный праведникъ причастенъ былъ злодѣйствъ на него взводимыхъ. Слезы текли у всѣхъ, всѣхъ слышны были стоны.

Настаетъ мгновенїе послѣднее для *Алонза* . . . . Внезапу разразился голосъ вопїющаго человѣка, крѣпко держимаго объятїями ни кому незнакомаго старика: . . . . . „ Усилїя твои напрасны. „ Произнесши сїе вырывается изъ рукъ престарѣлаго мужа, бѣжитъ къ мѣсту казни, вопїетъ: . . . . . „ Остановитесь, „ я преступникъ; я подлинный убїйца „ *Фабриція* „. По томъ падаетъ на выю *Алонза* и произноситъ: . . . . . „ Отецъ „ мой! милостивецъ неравненный! „ не ты, я умереть долженъ. Боже! по-„ пусти спастись не винности. . . . . „ Вы! служители правосудїя! ведите „ меня предъ Судей. „

Ведутъ его предъ нихъ, сопутствуется *Донъ Алонзомъ* и рыдающимъ старикомъ, представленъ предъ судилище, вѣщаетъ голосомъ твердымъ и

какъ

какъ бы повелительнымъ: „ Спѣшите „ снять не достойныя оковы съ по„ чтенныя жертвы не правосудія ва„ шего! „ Оковы снимаются съ *Алонза*; *Нугзецъ* простирая обѣ руки продолжаетъ: „ Обремените сіи оны„ ми, я заслуживаю строгость зако„ новъ, я умертвилъ *Фабриція*, мстя „ ему за обидныя слова доброму моему „ господину. „

Алонзо не даетъ ему говорить далѣе: „ Безподобный другъ! обвиняешъ ты себя напрасно, по единой „ безмѣрной любви твоей ко мнѣ. Я, „ всеконечно я одинъ, безъ всякой пос„ сторонней помощи, лишилъ жизни „ сосѣда моего . . . . . Нѣтъ! мое есть „ злодѣяніе сіе. Узнавъ злоключеніе твое „ чрезъ письмо твое, присланное ко мнѣ „ съ нарочнымъ изъ Лиссабона, помчался „ на избавленіе тебя отъ позорной смер„ ти. Старикъ, коего видишъ, родитель „ мой; забывъ онъ всю свою дряхлость, „ послѣдовалъ за мною: объ одномъ „ тебя прошу, будь ему вмѣсто меня. „ Чтоже надлежитъ до татьбы, низ„ кимъ ставлю не только для тебя, но „ и мнѣ собственно оправдыватся въ „ столь гнусномъ порокѣ. Бѣденъ я, слу„ жа только другимъ всегда питался; „ но Богъ и душа твоя, *Алонзо*! ему „ подобная, вѣдаютъ все отвращеніе мое

„ въ толикой подлости . . : : : Приз„ знаюсь предъ вами Судїи въ одномъ „ только убїенїи *Фабриція*, и что не „ знаю, кѣмъ онъ обкраденъ. И такъ „ теперь же отсылайте меня совершить „ исполненїе надо мною законовъ. А ты, „ паче всего на свѣтѣ мнѣ милый, госпо„ динъ мой! люби меня и по смерти..... „ Къ тебѣ наконецъ обращаюсь родитель „ мой! снеси не обходимое и вѣчное разлу„ ченїе наше; вѣрь, что *Донъ Алонзо* „ милостьми своми къ тебѣ принудитъ „ сколько нибудь умалиться твоему обо „ мнѣ сокрушенїю; вѣрь, что не имѣешъ „ причины рдѣться памятїю моею: честь „ мнѣ всегда и всего была дороже.„

Что и каковы были *Донъ Алонзо* и отецъ *Нугвеца*, живѣе изобразитъ читатель въ мысляхъ своихъ, нежели всякое перо.

Зрители до единаго проливаютъ слезы, рыдаютъ, даже Судїи сами. Но законы превозмогаютъ надъ человѣчествомъ. *Нугвецъ* падаетъ подъ мечемъ правосудїя. Скоро за тѣмъ нашлися подлинные похитители *Фабрицїевыхъ* денегъ, и что они же отняли у него жизнь.

САЛЬЛИ.

Любить по Англински, значитъ предаваться наиболѣе на неудобства и безпорядки, равно какъ и любить съ пущимъ жаромъ и ревностію. Народъ сего имени природно задумчивъ, наислабѣйшее почувствованіе производитъ въ немъ пылкость.

За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, одного зажиточнаго Лондонскаго купца дочь возрастала и воспитывалась вмѣстѣ съ сыномъ друга отца ея. Тотъ и другая познали взаимную склонность съ самыхъ ребяческихъ игръ своихъ.

Наиближайшія родственники, предъ коими дѣти не выходятъ почти изъ глазъ, всѣхъ меньше примѣчаютъ раждающіяся въ нихъ порывы души. *Сальли* не понимала, отъ чего милѣе ей всѣхъ *Станлей* . . . . . Состоянія ихъ разнствовали, чтобъ стать имъ когда либо супругами: ибо первая разумѣлася изъ богатѣйшихъ въ Англіи невѣстъ. Страсть любовная по малу разверзаяся, съ лѣтами крѣпчала.

Качество нрава *Сальли* унылѣе было многихъ ея землянокъ. По стольку паче дорожила она *Станлеемъ*, чѣмъ прилѣжнѣе просвѣщался умъ ея воспитаніемъ.

Пристойность пола заставляла ея скрывать безпрестанное, или точнѣе назвать, безпрерывное прельщенїе свое.

Не ожиданный случай вселилъ ей ревнивость. Причина, какъ ни малая, но всегда важною прїемлемая сердцемъ чувствительнымъ. Таитъ нѣсколько дней, снѣдая я печалью; капли только слезныя не можетъ иногда удерживать; но терпѣнїя не достаетъ напослѣдокъ, говоритъ любовнику: . . . . „Вѣдаешъ *Станлей*, что люблю тебя одного. Ежели „не перестанешъ продолжать свиданїя „твои съ *Еннїею*, скоро не будетъ меня „на свѣтѣ.„

Юноша клянется вѣрностїю, клянется не бытъ ни когда съ наводительницею безпокойства для ней, но или страсть его была меньше ея къ нему страсти, или укоры почелъ не заслуженными: попрежнему видается съ *Еннїею*.

Сальли узнаетъ сїе, не говоритъ ему ниже слова, притворяется предъ нимъ спокойною. Ежели бы любилъ онъ столькоже, какъ былъ любимъ, легкобы ему было то проникнуть . . . Взоры матеренскїе проницательнѣе взоровъ любовника. Сїя видитъ, что здоровье дочерне отъ часу становится хуже, доспраши-

шивается; *Сальли* молчитъ; но глаза ея смутны, вздохи испускаетъ грудь, силится не плакать.

Одного вечера прiемля, по обычаю во отчизнѣ ея, благословенiе отъ отца и матери, крѣпко прижимаетъ ихъ обѣими руками, льются слезы ручьями. Однакоже на все, что ни говорили ей тотъ и другая, отвѣчаетъ одно, что сама не знаетъ, отъ чего крушится, относя оное къ несчастному только природному своему сложенiю. Матернее сердце не могло не тревожиться цѣлую ту ночь, мучительное предвѣщанiе внутреннѣ ея гонитъ увидѣть спящую, входитъ къ ней . . . . Утренняя заря только что начала показываться. . . . Но какое ее поражаетъ видѣнiе! . . . . *Сальли* удавила сама себя, повѣсившись на одномъ изъ столбиковъ подъ покрываломъ своей кровати, на груди приколовъ булавкою лоскутокъ бумаги съ надписью: „ *отъ любви* „. Мать, внѣ себя, отрываетъ вервь, ласкается еще спасти жизнь несчастной, сзываетъ мужа и всѣхъ служителей домашнихъ; но всякiя старанiя тщетны: ибо пять уже или шесть часовъ прошло, какъ свершилось самоубiйство.

Слухъ разсѣвается по всему Лондону, узнаетъ *Станлей*, мчится въ комна-

ту любовницы, бросается предъ ея трупомъ и вопіетъ: „Я ее умертвилъ.„ влекутъ его отъ обожаемаго имъ трупа. Отецъ *Сальліинъ*, принявъ слова *Станлея* признаніемъ злодѣйства, даетъ ему ударъ смертный, успѣлъ онъ только выговорить слова сіи: „Я мучи„тель ея, достойно караюся, одно „мнѣ осталось, послѣдовать во гробъ за „нею:„ едва по томъ успѣлъ открыть причину несчастія, и изпустилъ духъ.

Яковъ.

Яковъ доставалъ пропитаніе черною работою: ежели всякаго рода позволенныя во общежитіи труды, себѣ и другимъ полезныя, черною работою назвать можно. Имѣлъ жену и четырехъ дѣтей. Всякой день корпѣвъ съ утра до вечера надъ упражненіями сими, едва собиралъ не обходимое для бѣднаго своего семейства. Но среди нищеты такой сердце его было спокойно, вкушавшее иногда и самую чистую радость, особливо, когда присныя его до-сыти накормлены имъ, пѣвалъ тогда съ ними забавныя пѣсни.

На-

Настало, однако же, тяжкое для него время. Жена и рожденныя ею съ нимъ умираютъ почти съ голоду. Плачутъ, плачетъ и онъ забывая, что тѣмъ же самымъ страждетъ самъ. Проситъ о помощи сосѣдей, но большая часть не удостоеваетъ его даже и воззрѣнія. Протягиваетъ руку, слезами своими обмываемую, подъ окнами; никто не внемлетъ. Попадается ли ему, какъ то ни бывало рѣдко, не совсѣмъ врагъ человѣчества; даетъ такъ мало, что могилы только отталкиваютъ отъ себя на не многія минуты всю его семью.

Срѣтясь на улицѣ съ такимъ же бѣднякомъ, одного съ собою ремесла, говоритъ ему: „Погибъ я! жена „и дѣти мои со вчерашняго утра не „видѣли хлѣбной крохи! . . . . Не „застать мнѣ уже ихъ живыхъ! „. „Встрѣщникъ отвѣчаетъ: У меня „только и есть, что двѣ копѣйки, „вотъ тебѣ одна, купи что нибудь и „отнеси домой, послѣ же приходи „скорѣе ко мнѣ, и поищемъ оба гдѣ бы „нибудь выработать побольше.„

Яковъ плаканьемъ только поблагодаря мнимо презрѣннаго, по справедливости же великаго человѣка, исполняетъ его приказъ, опять съ нимъ сходится и слышитъ слѣдующее:

„ Мнѣ итти съ тобою не досугъ; а поди
„ не мѣшкавъ [сказавъ ему куда]. Тамъ
„ живетъ дающій деньги за выпусканіе
„ крови. Выпусти у себя сколько ему
„ надобно, и достанешъ, чѣмъ прокор-
„ мить семью на цѣлой день. „

Бѣжитъ опрометью *Яковъ* въ назначенное мѣсто, даетъ рѣзать обѣ руки, пріемлетъ мзду, покупаетъ пищу, и какъ бы съ великимъ сокровищемъ возвращается къ своимъ . . . . . Сіи увидѣвъ его блѣдна, увидѣвъ кровь ліющуюся изъ обѣихъ его рукъ, жена спрашиваетъ: „ Что съ тобою сдѣла-
„ лось? ты кровь пускалъ? . . . . . Обой-
„ ми меня, обоймите меня и вы дѣтки,
„ послѣ насытьте себя всево прежде
„ тѣмъ, что досталъ я за теперешнее
„ мое состояніе. „ . . . . . Женѣ, ребятамъ не до хлѣба; вынудили у него истинну: горько заплакали, возопивъ всѣ вдругъ какъ бы смолвясь: „ О человѣки!

СТРА-

СТРАДЕЛЬЛА.

Страдельла, славный въ музыкѣ Венеціянинъ, жилъ на свѣтѣ въ срединѣ минувшаго столѣтія. При великомъ его искусствѣ сочинять все надлежащее до сего дарованія, имѣлъ восхитительный голосъ; земляками своими вообще былъ любимъ; знатнѣйшіе люди упрашивали его учить дѣтей ихъ.

Молодая дѣвица, именемъ *Гортензія*, произшедшая отъ древнихъ Римлянъ между первѣйшими почитавшихся, наиболѣе прочихъ учениковъ и учениць успѣвала. Въ красотѣ она едва ли имѣла себѣ подобныхъ между сверстницами своими.

Вельможа Венеціянскій влюбился въ нея страстно, предлагаетъ ей руку и великія свои богатства. *Монтеіо*, отецъ *Гортензіи*, съ радостію предложеніе сіе пріемлетъ; но мысли дочерни далеко отстояли отъ того. Саны, вельможество, сочленство въ верховномъ народоправительствѣ, не прельщали ее.

Страдельла былъ способенъ вливать въ сердца не одну охоту къ музыкѣ, а пріятное его пѣніе, сопровождаемое израженіями нѣжнѣйшими, плѣняло сердца. *Гортензія* испытала то собою; а еще

того болѣе наставникъ ея. Здравый разумъ тщетно борется съ раждающеюся страстїю. Любовь не только слѣпа, но и глуха. Всякїй разъ подступая онъ къ ней робѣетъ, мѣшается въ урокахъ . . . . . Не спокойнѣе же проводитъ съ нимъ часы и ученица его . . . . . Поетъ ли, голосъ измѣняется и бываетъ отъ часу томнѣе; коснется ли онъ рукою ея руки, не извѣстный до того родъ прїятнаго хлада разольется въ ея крови; срѣтятся ли взоры, одни на другихъ, такъ сказать, умираютъ.

Нѣкогда были безъ свидѣтелей, рано утромъ. *Гортензїя* не успѣла еще перемѣнить спальной одежды; свѣжесть лица, сномъ даемая юности и красотѣ, уподобляла ея прекрасному начатку вешняго дня. Учитель начинаетъ урокъ извѣстною пѣснею: ,, *я люблю.* ,, Глаза ихъ, какъ бы насильственно устремляются взаимно. Отъ двухъ сказанныхъ короткихъ словъ, которыя часто повторять было надобно, исчезаетъ по малу голосъ и того и другой . . . . *Страдельла* уже у ногъ ученицы . . . . . Продолжаетъ твердить тоже: ,, Люблю, сгараю, умираю отъ любви: пламенемъ ,, ея пожираюсь . . . . . Кто произво- ,, дитель того? . . . . . Ты, ни съ чѣмъ ,, несравненная *Гортензїя*! Тебя обожаю ,, и обожать не перестану до смерти моей.

„ моей. Всю жизнь мою отдамъ за одинъ
„ только взглядъ твой, которой бы
„ вразумилъ меня, что не прогнѣвляешся
„ моимъ дерзновенiемъ. . . . По меньшей
„ мѣрѣ дай мнѣ испустить душу на
„ твоихъ колѣняхъ. „

Гортензiя цѣпенѣетъ, силится что-нибудь сказать, но находитъ себя онѣмѣвшею. Уста между тѣмъ учителя прилипли къ рукѣ ученицы, слезы его оную омываютъ. Едва возмогла произнести только сiе: *Страдельла* ! . . . . . О какъ мы оба несчастны ! „

Ободряются минута отъ минуты болѣе, открываютъ внутреннiя движенiя: какъ родилася страсть въ каждомъ. Такiя-то первыя обнаженiя чувствъ лiются въ душу, всякое иное чувство исчезаетъ тогда; въ такiя-то первыя мгновенiя страсть любовная наполняетъ до преизбытка уязвленiями своими . . . . О ! для чего райскiя мгновенiя сiи такъ скоро пролетаютъ ?

Оба забываютъ вселенную, однихъ только себя находятъ въ ней. Мыслятъ, что для нихъ только восходитъ солнце, позлащаетъ краегранiя воздуха своими лучами; для нихъ только распещряетъ по томъ оныя лазуремъ и алостiю; для нихъ только цвѣты распускаются

и накуриваютъ благовоніями воздухъ; для нихъ только однихъ поютъ птички и рѣзвяся порхаютъ. Словомъ, вся поверхность земная становится имъ садомъ восхитительнымъ. Самыя громы, сколько бы ни были ужасны, бури и всякаго рода ненастьи наисильнѣйшія, имѣютъ пріятности; нѣтъ для нихъ ни минувшаго, ни грядущаго: настоящимъ только сладятся.

Бракъ *Гортензіи* съ вышесказаннымъ вельможею уже готовится, уже и день назначенъ . . . . Ясное дотолѣ небо для влюбленныхъ покрылось густѣйшими тучами; видятъ ближущуюся минуту вѣчной разлуки, а можетъ быть и вѣчной же невозможности къ свиданіямъ. . . . *Страдельла* во отчаяніи; дочь *Монтеія* тонетъ въ слезахъ. . . . Уже навечеріе дни смертоноснаго: единымъ убѣжищемъ предстоятъ имъ только гробы.

Страдальла, дождавшись глубины ночи, прокрадывается въ спальну возлюбленной своей; затрепетавшую отъ страха вопрошаетъ: „ *Гортензія*! любимъ ли я тобою? . . . . Люблю „ ли тебя? . . . . Ежели такъ, то „ докажи . . . . Всѣмъ пожертвую . . . . „ Одной только прошу: тебя у меня „ отъемлютъ; завтра будешъ ты во

„ объ-

„ объятіяхъ другаго. Не переживу я того,
„ естьли теперь же не послѣдуешь за
„ мною. Бѣгство только и безсмертная
„ любовь остается намъ . . . . . Ты!
„ самъ, ты совѣтуешь даже до того
„ посрамить мнѣ себя вѣчно? . . . . . Нѣтъ
„ инаго способа удержать мнѣ душу въ
„ тѣлѣ. Что для тебя цѣлый свѣтъ?
„ что его о тебѣ толки, когда одна
„ совершенная любовь все замѣнить тебѣ
„ должна? былъ ли бы я на твоемъ
„ мѣстѣ, остановила ли бы меня и самая
„ слабѣйшая нерѣшимость? Въ дикїя бы
„ дебри, на край бы поверхности земной
„ помчался съ тобою; тобою бы одною
„ дышалъ тамъ; для тебя бы одной
„ протекла вся жизнь, и умеръ бы у тво-
„ ихъ ногъ . . . . . Нѣтъ, совсѣмъ инако
„ любимъ мы одинъ другова . . . . . Какое
„ мученїе! ты сомнѣваешся, когда ты
„ одинъ все для меня! . . . . . Пред-
„ вождай мнѣ, сопутствовать тебѣ буду
„ всюду; ни въ какое сравненїе не входятъ
„ съ тобою моя отчизна, родитель, всѣ
„ ближнїе мнѣ по крови, вся Венецїя, даже
„ честь имени моего. „

Тою же ночью уже они за рубежами Республики. Съ наставшимъ днемъ разнесся о томъ слухъ по всему городу. *Монтеіо* дорожилъ паче знатностїю своею и любочестїемъ, нежели дочерью. Лишаяся сродненїя толико льстившаго

его,

его, наполняется крайностьми гнѣва и мщенія; поступаетъ на всякія развѣданія и сыски; но безъуспѣшно.

Бѣглецы уже въ Римѣ, выдаютъ себя мужемъ и женою. Мщеніе, не такъ какъ любовь, ни когда и ни чѣмъ не усыпляется. Обманувшійся въ надеждѣ брака призываетъ двухъ извѣрговъ, продавателей злодѣйствъ своихъ за денги, говоритъ имъ: . . . . . . ,, Друзья! вотъ вамъ денги, ,, дамъ еще больше, только исполните ,, волю мою. *Страдельла* и *Гортензія* въ ,, Римѣ, чрезъ нѣсколько дней первый ,, будетъ пѣть въ оркестрѣ церкви Свята- ,, го Іоанна Латеранскаго. Отправьтесь ,, туда, станьте на удобномъ мѣстѣ внѣ ,, церкви сей, и какъ скоро пойдетъ изъ ,, оной, лишите его жизни. Другое мое ,, съ вами условіе есть то: не покидайте ,, Рима, доколѣ мертвый его трупъ, ,, тысячу ранами отъ рукъ вашихъ прон- ,, зенный, не зарытъ будетъ въ землю.,,

Нечестивцы клятвенно обѣщаютъ поступить въ точности, поспѣшаютъ куда посланы.

Настаетъ день оказанія славы своей художнику въ вышеназванной церквѣ. Слушатели внѣ себя отъ удовольствія; каждый внутреннѣ признается, что достойно цѣнили его столь много въ Вене-

Венецiи. . . . . Убiйцы входятъ тудаже. Одинъ другому говоритъ: . . . . . ,, Вотъ ,, добыча наша! Смотри же, чтобъ не- ,, упустить намъ ея изъ рукъ: прямо въ ,, сердце кинжалы, и дѣло съ концемъ. . . . . ,, Не бойся, мое желѣзо вонзится прежде ,, твоего. ,,

Какъ ни безчеловѣчны были изверги сiи, но голосъ пѣвца смягчаетъ ихъ. Силятся скрыть то другъ отъ друга; но у одного вырываются слова: ,, Тоже ли ты чувствуешъ, что я? . . . . ,, Ни когда не бывалъ таковъ, какъ ,, теперь . . . . . А я и неузнаю уже себя: ,, жалость и сожалѣнiе первый разъ въ ,, жизни моей мнѣ становятся зна- ,, комы . . . . . Нѣтъ, не подъимутся ,, руки . . . . . Ободримся, вѣть двѣсти ,, червонныхъ!

Кончился церковный обрядъ. Всѣ выходятъ, выходитъ съ прочими и *Страдельла*. Злодѣи подступаютъ къ нему, вмѣсто пораженiя его становятся предъ нимъ на колѣна, и одинъ изъ нихъ произноситъ: ,, Ты сдѣлалъ насъ не ,, нами. Мы нарочно здѣсь, чтобъ умер- ,, твить тебя, подкуплены большими ,, деньгами; но пѣнiе твое, Ангельской ,, твой голосъ, перераждаетъ насъ: одна- ,, ко берегись, какъ можно скорѣе, чтобъ ,, не было тебя въ Римѣ; бѣги мщенiя

,, чело-

„ человѣка, который не успокоится
„ прежде, доколѣ съ свѣта тебя не-
„ сгонитъ. „

Сказавъ сіе, оба оставляютъ *Страдельлу* съ крайнею поспѣшностію. Онъ послѣдуетъ совѣту. Уже въ Туринѣ съ *Гортензіею.* Находитъ милость Герцогини Савойской; доноситъ ей случившееся съ нимъ въ церькви Іоанна Латеранскаго. Женское сердце рѣдко не сострадательно. Къ спасенію не счастной четы отвозитъ она *Гортензію* во одинъ изъ монастырей дѣвичьихъ, принявъ всѣ мѣры къ безопасности ея и пріятному провожденію времени: ежели въ разлукѣ съ наимилѣйшимъ человѣкомъ оное возможно: *Страдельлу* же оставила при себѣ комнатнымъ музыкантомъ.

Раздраженная злоба вельможи Венеціянскаго и *Монтеія*, выходитъ изъ предѣловъ. Послѣдній клянется первому: „ Гдѣ бы ни попалась мнѣ дочь
„ моя, гдѣ бы то ни было, руки
„ мои, собственныя мои руки, вырвутъ
„ сердце ея. „

Герцогиня въ чаяніи, что подъиски противу покровительствуемыхъ ею, отъ невозможности исполниться, уже прервались, сочетаваетъ бракомъ влюбленныхъ; говоритъ имъ: „ Не изви-

„ няю *Гортензія* бѣгства твоего; не „ оправдаю и твоего *Страдельла* похи- „ щенія дочери у отца; но какъ возвра- „ тить сего нельзя, одно только помо- „ жетъ къ возвращенію добраго вашего „ имени; да и ни чего не упущу прими- „ рить васъ съ *Монтеіемъ* „

Пишетъ къ послѣднему, но при всей знаменитости рожденія своего, не полу- чаетъ отвѣта.

Чета, съ позволенія покровитель- ницы своей, отъѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Генуу Прибыли туда. У *Гор- тензіи* противу воли вылетаютъ къ мужу слова: „ Сама незнаю, отъ „ чего трепещетъ духъ во мнѣ. Чего, „ казалось бы, страшиться намъ? подъ „ милостивою рукою мы Герцогини и „ ты меня любишъ паче себя?.... „ Странно, и я чувствую самое тоже! „

Миновалъ день, пришло время ноч- наго успокоенія, уже въ постелѣ они, уже заснули.... Вдругъ множествомъ голосовъ предъ самою ихъ спальною.... разбужены. Освѣщалъ ихъ слабый свѣтъ лампады. Видятъ четверыхъ съ ножами въ рукахъ..... *Гортензія* возо- пила:....„ Батюшка, это ты! „ Помилуй только мужа моего и охотно „ умру отъ руки твоей.... Не достой-

„ ная дочь! его-то грудь прежде прон-
„ зится. „ . . . . . Сказанное исполняемо бываетъ; оба несчастные оставлены плавающими въ крови.

ЭМИЛІЯ.

Эмилія была изъ посрамительницъ красоты лица своего распутствомъ. Хотя примѣры соблазновъ, отъ младенчества ея окружавшіе, причинствовали тому паче, нежели природныя наклонности. Прежде еще созрѣнія разсудка учинилась жертвою грубыхъ удовлетвореній чувствъ неистовцевъ, всеобщее презрѣніе только заслуживающихъ покупателей мнимыхъ своихъ удовольствій цѣною денегъ: то, въ чѣмъ состоитъ печать союза законнаго между двухъ половъ, обращая въ привычку наигнуснѣйшую.

Эмилія родила дочь, которую въ тотъ же часъ удалили отъ глазъ ея. Благочестной жизни только женьщинамъ принадлежитъ наслаждаться материнскою любовью.

Среди толикаго забытія, чѣмъ себѣ собственно всякъ долженствуетъ, не выходитъ изъ мыслей несчастной сей, что она мать. На вопросы, куда дѣвалась

лась рожденная ею, слышитъ одно, что уже нѣтъ очыя на свѣтѣ. Оплакиваетъ; но въ мысляхъ и сердцѣ своемъ носитъ ея всегда.

Съ приумноженiемъ возраста открывается ей, что развращенiе нравовъ кажетъ одни лишь признаки жизненныхъ услажденiй; а истинныхъ искать должно совсѣмъ въ иномъ. Отъ часу сама себѣ становится несноснѣе; близится къ перемѣнѣ поведенiя; сознаетъ внутреннѣ, что Религiя токмо, одно только оставленiе свѣта примирить ея могутъ съ собою ..... Нѣкто отъ служителей олтаря Господня поспѣшилъ къ ней на помощь, собственныя же ея раскаянiя довершили ея обращенiе. Посвящаетъ себя единому Богу, твердо предприявъ загладить предъ нимъ свои заблужденiя самымъ строгимъ монашествомъ. Избираетъ монастырь, въ которомъ между прочими обѣтами установлено было не говорить ниже слова, не только съ воспитывающимися посторонними дѣвицами, но и съ самыми постриженными ..... Лишившись дочери, оплакивая пороки свои, ни чего и не желала она, кромѣ уединенности и молчанiя; да и скоро бываетъ образцемъ къ подражанiю цѣлаго общежитiя.

Молитвословія въ церкви, обмышленія прошедшаго и раскаянія въ кельи, всѣ часы ея занимаютъ. Нѣкоторая молодая воспитанница въ монастырѣ семъ, часто и какъ бы съ намѣреніемъ проходитъ мимо оконъ ея; глаза *Эмиліи* сами собою устремляются на оную, провождаютъ ея, доколѣ не скроется. Укоряетъ себя любопытствомъ свѣтскихъ людей, находя то повлеченіемъ къ оставленнымъ ею житейскимъ суетамъ; обѣщавается не впадать болѣе въ подобную слабость.

Тщетное намѣреніе! всякій разъ, увидѣвъ сказанную дѣвицу, не понятное внутреннее движеніе порѣваетъ ея къ ней, любуется ею; да и послѣдняя кажетъ взорами своими тоже чувствованіе . . . . . *Эмилія* находитъ письмо въ кельи своей, увѣдомляющее, что дочь ея жива . . . . . Вся кровь взволновалась; материнское сердце закипѣло: . . . .
,, Жива дочь моя! я мать! . . . . но
,, не мнѣ приличествуетъ имя сіе, не
,, достойна того . . . . . Великій Боже!
,, прости мнѣ, что попускаю овладѣ-
,, вать душею моею впереніемъ кромѣ
,, тебя одного . . . . . Дочь моя не между
,, мертвыми, а я ни когда не прижму
,, ея къ груди моей! Но гдѣ она? кто
,, отвлекаетъ ея отъ моихъ объятій,
,, отъ омоченій слезами моими? съ не-
,, изре-

,, изреченною бы радостїю отдала всю
,, жизнь за одно мгновенїе такое! ,,

Не можетъ не признаться, что свѣтъ еще держитъ ее во узахъ, которыя прервать безсильна . . . . . ,, Господи!
,, умилосердись надъ волненїемъ духа
,, моего. Ты всевидѣцъ! видишъ, что
,, выше возможности моей забыть, что
,, я мать. (*) Еще другое находитъ у
,, себя письмо въ кельи : . . . . . ,, Такъ
,, точно, дочь твоя не только жива,
,, но и воспитывается въ монастырѣ
,, семъ . ,, ... О! ежели бы часто
,, проходящая мимо оконъ моихъ! ,, ...
,, Продолжаетъ читать : . . . . . . ,, Та
,, самая, на которую глядишъ ты иногда
,, охотно ,, ... ,, Милосердый Боже!
,, ... И такъ не обмануло меня
,, сердце! . . . . . . Неужели доживу
,, минуты, чтобъ хотя однажды обнять
,, ее? ,, ... Читаетъ далѣе : . . . . .

(*) Нѣкоторая мать утѣшавшему ея духовнаго званїя человѣку по умертвїи сына ея, примѣромъ праотца Авраама: съ какимъ безотвѣтнымъ повиновенїемъ къ Богу подъимаалъ уже онъ руку на убїенїе сына своего Iсаака, отвѣчала: . . . . ,, Такой бы жертвы не
,, потребовалъ Богъ отъ Iсааковой матери. ,,

„ Не вѣдаетъ она, что мать ея такъ
„ близко съ нею. Всячески долженствуешъ
„ ствуешъ ты таить сїе отъ ней:
„ правило монастыря нашего строго
„ предписываетъ оное. Намѣренїе мое
„ есть, доставить тебя нѣкоторою
„ отрадою; но скоро возмутъ ея отсюда,
„ да, и ни когда уже болѣе не возвратится.
„ тится. Помни же, что даю тебѣ
„ только утѣшенїе, а не тревогу въ
„ спокойствїи твоемъ душевномъ. Довольно,
„ льно, вѣдаешъ, что дочь твоя жива. „
„ . . . . . Дочь моя! рожденїе мое здѣсь!
„ какїя же обѣты устоять могутъ? . . . .
„ Увижу ея, увижу не премѣнно; узнаетъ,
„ что есть у ней мать, и по томъ
„ умру! „

Эмилїя призываетъ одну изъ служащихъ общежитїю сему постриженныхъ работницъ, упрашиваетъ сказать ей, когда отпускать будутъ питомицу изъ монастыря . . . . . Несносная сїя минута для *Эмилїи* настаетъ . . . . Долго пребываетъ не движима, собравъ же нѣсколько силъ произнесла облившись слезами: . . . . „ Умру лутче,
„ не открывая таинства, лютѣе всякой
„ казни за самыя величайшїя злодѣянїя!
„ Къ чему стыдомъ моимъ покрыть не
„ винную дочь мою? Женщинѣ ли посрамившейся
„ мившейся вѣчно возводить взоры на
„ рожденную ею? можетъ ли и она при-

„ знать

„ знать за мать позорную тварь? Пусть „ не знаетъ о мнѣ ни когда; пусть въ „ совершенной отъ ней не извѣстности „ брошена буду въ могилу. Не моимъ „ гнуснымъ устамъ изрекать столь „ не оцѣненное и священное слово: дочь „ моя! не мнѣ отыскивать права мате- „ рей, ибо всѣ оныя потеряла. Цѣлый „ свѣтъ не для меня уже: одинъ только „ Всевышній остается мнѣ вмѣсто „ всего. „

Отпускается дочь *Эмиліи*; терпѣнію послѣдней конецъ; бѣжитъ, при выходѣ уже изъ монастырскихъ вратъ достигаетъ ея, кидается съ распростертыми руками и обнявъ крѣпко вѣщаетъ: . . . . . „ Не увидимъ тебя болѣе милая дѣвица! „ . . . . Сія удивилась, но бывъ преодолѣваема внутреннимъ нѣкіимъ движеніемъ, отвѣчаетъ: . . . . . „ Съ сожа- „ лѣніемъ покидаю святое сіе жилище, „ признаюсь, ты изъ самыхъ первыхъ „ причинъ къ тому. Не знаю, какая сила „ влекла всегда душу мою къ тебѣ; „ не бывало для меня пріятнѣе минутъ „ тѣхъ, какъ прохаживала мимо тво- „ ихъ оконъ: глаза мои не могли на „ сытиться смотрѣніемъ на тебя . . . . „ Дочь моя! „ произноситъ съ восхищеніемъ *Эмилія*, и вдругъ многія монахини схвативъ ее прочь увлекаютъ; однако же не престаетъ она повто-

рять: . . . . . „ Я мать твоя; сама
„ природа вступается за право мое при-
„ знать отъ меня рожденную. „ . . . . .
Другими монахинями удерживанная та-
кже дѣвица вырывается изъ рукъ же;
объятія обѣихъ сцѣпились; но не на-
долго: расторгли одну съ другою. Одну
увозятъ, другую же запираютъ въ те-
мную храмину.

Эмилія послѣ сего проживъ не многія только дни, отъ не снoснаго сокрушенія скончалась.

ЖИТЕЛИ

Западной части Ирландіи.

Сіе лѣто проводилъ я въ западной части Ирландіи, которую назвать можно особымъ угломъ между всѣми странами на земной поверхности: и проводилъ оное во удовольствіяхъ, какія токмо могутъ быть для человѣка возможны. Жителей, паче же того рода, который буйство наше столь несмысленно нарицаетъ *черныо*, обрѣлъ черты самыя чистыя природы, обрѣлъ качества сердецъ преподаемыя отъ отца къ сыну. Наслышкою только вѣдаютъ тамъ нѣсколько объ обычаяхъ, нравахъ

и языкѣ Великобританіи. Большая часть невѣжествуетъ почти о всемъ на свѣтѣ; вообще водимы одною благорасположенною наклонностію ко всякому добру, имѣя образъ жизни столь же страненъ, какъ и нарѣчіе.

Всѣ между собою похожи лицами. Можетъ быть происходитъ то отъ племени ни когда не смѣсивавшагося чрезъ сродненія ни съ какими иными народами. Великорослы, статны, голодъ и жажду выдерживаютъ и долго, и безропотно; до невѣроятія работящи.

Бѣлизна зубовъ и кожи отмѣнная; крѣпки и совершенно здоровы. Послѣднимъ, думаю, долженствуютъ вседневною своею пищею въ овощахъ и растеніяхъ: за крайнею бѣдностію и не могутъ имѣть лутчей. Достигаютъ глубокой старости; слухомъ не слыхали о болѣзняхъ, производимыхъ не чистотою крови, и о многоразличныхъ, какъ у нашихъ поселянъ, прыщахъ, чирьяхъ и тому подобномъ. (*) Слово *Сухотка*, мучительница, наипаче насъ Англичанъ, самой смерти лютѣе для насъ,

(*) Не одно ли плотоядство производитель оныхъ? . . . . . Оставляемъ отвѣчать на сіе искуснѣйшимъ врачамъ.

совсѣмъ не разумѣютъ; влюбчивы до крайности, а отъ того до крайности же почтительны къ женскому полу, да и награждаются оными прямою любовью и вѣрностiю: чрезъ всякое столѣтiе едва ли видятъ примѣръ измѣны супружеской. Такое расположенiе въ душахъ естественно вливаетъ имъ вкусъ почти всеобщiй къ стихотворству, музыкѣ и пляскамъ: все то дѣлается у нихъ по своему. Въ каждой деревнѣ есть мастеръ играть на волынкѣ. У молодыхъ людей обоего пола не проходитъ вечера безъ пѣнiя и плясокъ. Откровенная веселость у всякаго на лицѣ; ежели кто кому нравится, не притворствуютъ: ни одинъ однако же, ни одна, ни гдѣ и ни когда, не нарушаетъ пристойности.

Условятся ли родители о бракѣ: за дочерью обычайно даютъ въ приданое корову и двухъ овецъ. Все богатство жениха во убогой хижинѣ, въ не большемъ огородѣ, которой приносилъ бы ему довольно земляныхъ яблоковъ. Послѣ свадьбы жена не зовется именемъ мужа, а слыветъ прежнимъ своимъ дѣвичьимъ. Сказывали мнѣ, что чудной такой обычай у нихъ изстари: ибо предки ихъ женивались только на одинъ годъ, послѣ же было вольно вступать въ новыя такiя же союзы, и на томъ же самомъ условiи; что довольные

другъ

другъ другомъ ни когда не расходились, да болѣе таковыхъ и бывало. Ежели бы жена ежегодно мѣняла имя свое, произошло бы смѣшное замѣшательство, ни кто бы ея по оному узнавать не могъ.

Большей у нихъ праздникъ свадьба: тогда-то только въ жизни своей ѣдятъ мясо и пьютъ пьяное. Изжареной или свареной баранъ составляетъ весь обѣдъ; другова же продавъ покупаютъ бочку самаго плохаго пива и простаго горячаго вина, вкусомъ какъ самая же дурная можжевеловая водка: веселятся и перепиваются.

Страннопріимство у нихъ какъ бы наслѣдственная добродѣтель. Садяся за столъ отворяютъ двери хижинъ, какое бы ни было годовое время, чтобъ всякой прохожей входилъ насытиться съ ними. Вотъ прямо добрые люди! . . . . . Въ нищетѣ; однако же завсегда довольны, завсегда спокойны и веселы. Но такое состоянїе льзя ли называть нищетою? Самыя трудныя работы, при опаляющемъ ли зноѣ лѣтнемъ, при жесточайшихъ ли стужахъ зимнихъ, забавами имъ кажутся.

Подъ тяжкимъ ярмомъ трудовъ, нуждаяся во всемъ, утѣшаютъ другъ друга расказыванїями повѣстей о стари-

ринныхъ своихъ великанахъ, чему они вѣрятъ; поютъ, правда, мало складныя пѣсни, но имъ прїятныя; да и въ самой вещи не противныя слуху чтителей чистыя природы. Всего больше любятъ, чтобъ дѣти ихъ предъ ними рѣзвились. Дѣвки почти всякая прекрасна, наипаче же плѣняетъ взоры, стыдливость ихъ и благонравїе.

•

На сихъ-то мѣстахъ родились извѣстныя рѣдкою красотою своею Герцогиня *Гамильтонъ* и лади *Ковентри*.

Дни мои, протекшїе здѣсь, были наипрїятнѣйшїе въ жизни моей. Нашелъ не Америку, облитую кровїю ея насилителей, не источника золъ и пороковъ, *золото*; не Азїю, полную рабства и подлости; не тѣ столь славящїяся страны науками и художествами, гдѣ даже до удовольствїй, все мечты: а водворенїе счастїя истиннаго и добродѣтели, безъ чего нѣтъ полныхъ утѣшенїй душевныхъ; блаженное невѣжество, на коемъ зиждутся и то и другая. (*)

Сила

(*) Сїе заимствовано изъ письма одного Англичанина къ другому, въ настоящемъ столѣтїи.

СИЛА
любви родительской.

Дорикъ женился на особѣ достойной и любезной. Прижилъ съ нею дочь, которой дано было наилутчее воспитанїе, да и качесто сердца ея, дарованїя природныя помоществовали въ томъ. На осьмнатцатомъ году становится вѣрнымъ другомъ матери своей. Вмѣняетъ въ преступленїе утаевать отъ ней даже помышленїя. Прослыла примѣромъ чувствительныхъ сердецъ и хвальнаго поведенїя; всѣ за честь почитали обхожденїе съ нею: самые порочные съ нею бывая вмѣстѣ, не могли не оказывать уваженїя, должнаго добродѣтели. Имя ей было *Генрїета*.

Въ одинъ день примѣчаетъ, что мать ея превозмогая себя кроетъ предъ нею жестокую печаль, противу воли выказывающуюся. Покатилися изъ глазъ слезы, говоритъ ей: „Чѣмъ потеряла довѣренность твою? Нѣчто терзаетъ грудь твою, и я не знаю причины! Ежели, всеконечно не вѣдая сама чѣмъ, прогнѣвила тебя, удостой по крайней мѣрѣ, чтобъ смѣшивала я плачь мой съ твоимъ..... Есть минуты въ жизни нашей, скучныя безъ всякой причины.... Слова твои довершаютъ мое несчастїе. Ты страдаешъ

„ даешь, капли слезъ вырываются изъ „ глазъ твоихъ, судишь меня недостой- „ ною повѣренности. Человѣчества ради „ сжалься надо мною, и да польются „ слезы твои прямо въ сердце тобою „ образованное, тобою наполненное, за- „ всегда отверстое предъ тобою. Вспо- „ мни милостивое твое обѣщаніе къ „ имени дочери пріобщать и имя же дру- „ га.... Ты то и есть, и вѣчно бу- „ дешь; будешь наилучшею дочерью и „ другомъ. Вѣдаю всю любовь твою ко „ мнѣ. Мы смертные постигаемся иногда „ горестьми тѣмъ паче лютѣйшими, по- „ скольку не позволено сказывать объ „ нихъ. Дѣлаемся мы сами себѣ презрѣн- „ ными, попуская дѣйствовать надъ на- „ ми недѣльнымъ иногда заключеніямъ „ въ мысляхъ нашихъ. Въ случаяхъ та- „ кихъ хотѣли бы мы таить то и отъ „ самихъ себя. Здравыя лишь размыш- „ ленія и время лѣкарство на подобныя „ болѣзни. „

При послѣднихъ словахъ вырвался глубокій вздохъ, поразилъ *Генріету*; но несмѣетъ болѣе выспрашивать.

Съ мѣсяцъ времени миновало. Дочь находитъ въ слезахъ мать, не примѣтившую ея къ ней приближенія. Видитъ въ рукахъ ея миніатюрное изображеніе лица мужескаго..... „Или по- „ вер-

„ вергнуся мертвою предъ тобою, или
„ открой мнѣ твое страданіе . . . . .
„ Боже! это лицо родителя моего, до-
„ стойнаго твоего супруга, но ты горь-
„ ко плачешь! . . . . . Какой ударъ съ
„ нимъ, слѣдовательно и съ нами обѣ-
„ ими? . . . . . Не съ нимъ, а со мною
„ только, *Генріета*; другъ души моей!„
„ . . . . . Не ужели чѣмъ нибудь оскорбить
„ онъ васъ могъ? Это быть не можетъ!
„ вы столько имъ любимы . . . . . На-
„ противъ, гробъ остается только убѣ-
„ жищемъ отъ него. Сердце отца тво-
„ его у меня похитили, да и навсегда.
„ . . . . . Не вѣрю. Быть не льзя. . . . Тебя
„ перестать любить ему? . . . . . Милое
„ дитя! такъ, отнялъ онъ даже и
„ возможность усумниться въ томъ.
„ Всевышній! сохрани ея испытать то
„ когда-либо на себѣ. Женщинѣ, умѣю-
„ щей совершенно любить, которую ни-
„ чѣмъ не укоряетъ совѣсть, есть сіе
„ верхъ заключенія. . . . . Развѣ нѣкото-
„ рое только ослабѣваніе во обычайныхъ
„ ласковостяхъ его къ тебѣ, ничего въ
„ прочемъ не значущее? . . . . . Видно,
„ что не любливала ты никогда; прямая
„ любовь начавъ однажды умаляться,
„ отчасу больше простываетъ, нако-
„ нецъ же и погасаетъ вовся. Такъ *Ген-
„ ріета*, такъ точно, нѣжнѣйшія чув-
„ ствованія его ко мнѣ обращены уже къ
„ другой. „

Обиліе

Обилїе слезъ и тяжкїя стоны прерываютъ слова несчастной сей; но усиливаяся продолжаетъ: . . . . . ,, Двадцать лѣтъ любили мы другъ друга
,, паче самихъ себя. Союзъ нашъ не
,, связывался ни какими видами корыстей, ниже иными какими-либо свѣтскими приманами; сходство вкусовъ
,, и нравовъ безпрерывно питало въ насъ
,, самое жаркое и самое же чистое влеченїе одного къ другому. Казалось
,, намъ, что на каждый день взаимно
,, влюбленнѣе мы дѣлались. Тебя одну
,, даровали намъ небеса залогомъ и утѣшенїемъ выше всякой цѣны. Но я для
,, него уже нынѣ ничто. Другой тому
,, уже годъ, какъ перемѣнился онъ ко
,, мнѣ; началися прежде рѣдкїя, а по
,, томъ день отъ дня учащаемыя отъ
,, меня его отлучки. Теперь узнаю соперьницу. Извѣстная тебѣ, *Данжъоль*, которая подъ ларвою набожности и смиренной жизни толико умѣетъ крыть
,, вертопрашество. Даже до того уничижилася уже я, обнажила предъ
,, нею всю мою горесть, умоляла
,, возвратить мнѣ мужа моего. Коварница съ крайнимъ равнодушїемъ
,, отвѣчала только, что жалѣетъ о неправедности моего подозрѣнїя. Легко
,, мнѣ было проникнуть лживость ея
,, языка, и подозрѣнїе мое превратилось
,, въ достовѣрность, подтвержденную

„поступками отца твоего. Суди же, „что иное предостается мнѣ, кромѣ „смерти? „

Вынимаетъ изъ кармана бумагу, и подавъ *Генріетѣ*, велитъ ей читать.

Сїя видитъ истинну, бросается во объятїя матери, обѣими руками прижимаетъ къ груди, и голосомъ, плачемъ и рыданїемь прерываемымъ вѣщаетъ: „Я у тебя осталась, я дѣлитель всѣхъ „чувствованїй твоихъ; заклинаю тебя „любовью твоею ко мнѣ, не совсѣмъ „отчаявайся; упаду къ ногамъ мучителя твоего; представлюся ему въ видѣ, „которой не дастъ ему отринуть силы „природы; восторжествуешъ всеконечно надъ презрѣнною тварью..... Тщетна мнимая надежда твоя; много разъ „покушалась сама я преклонять его къ „пожалѣнїю о мнѣ; но всегда, или молчанїемъ только отвѣчалъ мнѣ, или „въ тотъ же мигъ уходилъ. Излетѣвшая однажды любовь изъ сердца, не „словами, не слезами возвращается. Самое то, что укорять меня ни чѣмъ „не можетъ, есть преступленїе предъ „нимъ ни чѣмъ же не извиняемое..... „Не откажи мнѣ одной только милости, изъяснися съ нимъ въ послѣднїй „разъ, достальное же беру я на себя. „

Дорикъ входитъ съ лицемъ угрюмымъ. *Генріета* мчится къ нему распростря руки; онъ ласкаетъ ея, нѣкоторое смущеніе даетъ въ себѣ примѣтить. Жена говоритъ мужу: Или „обманываюсь, или вы не очень здо„ровы? ..... Глаза ваши, сударыня! слишкомъ проницательны. Желаю, „чтобъ вы также себя находили, какъ „и я себя же..... Желанія такого ма„ло для меня, но скоро избавлю я васъ „ненавистнаго предмета..... Какой „предметъ разумѣете вы?..... Жизнь „отъемлешъ у меня, но милъ мнѣ боль„ше, нежели когда нибудь бывало. По „крайней мѣрѣ подай хотя то утѣше„ніе, что смерть моя почтена будетъ „нѣсколькими каплями слезъ твоихъ.„

Дорикъ хочетъ удалиться, женою удерживается, слышитъ отъ нея: „Очень разумѣешъ, что я говорю, но „сердце твое заперто для меня. Нечего „же медлить, не задержу тебя, толь„ко пріими, и теперь же, послѣдній „вздохъ мой. Жестокосердый! два уже „года поишъ ты меня ядомъ смертоно„снымъ; измѣнникъ! чѣмъ заслужила „мучительство твое? Вѣдаешъ, что „все счастіе жизни моей замыкала въ „одной любли твоей ко мнѣ. Ея ты „отнялъ, къ чему мнѣ жизнь. Не„достойная совмѣстница!.....„ *Дорикъ*

рикъ не попускаетъ говорить далѣе, вырывается изъ ея рукъ; но у ногъ уже его *Генріета*: . . . . . „На минуту толь-„ко останьтесь, и вмѣсто одной, уви-„дите двѣ жертвы. „

Дорикъ смутился до узумленія, однако же забываетъ и самую пристойность, отталкиваетъ и жену и дочь, покидаетъ ихъ . . . . Дочь падаетъ безчувственна; жена зарыдавъ произноситъ: „Хотя съ нею сжалься, хотя „ея не будь убійцею! „

Родительская любовь преодолѣваетъ жестокосердіе. *Дорикъ* подъемлетъ дочь, ничего не упускаетъ ко оживотворенію ея . . . . Открываетъ она глаза; отецъ говоритъ ей: „Все для тебя сдѣ-„лаю „ потомъ взглянувъ на жену свою: „Возвращается къ тебѣ мое „сердце, прости меня, вѣрь, что „остаткомъ жизни моей заслуживать „то буду: „ указавъ на *Генріету*: „Вотъ кто порука тебѣ въ томъ. „

Самою вещію исполняется обѣщаніе. *Дорикъ* послѣ того никогда уже не переставалъ быть супругомъ вѣрнымъ, отцемъ наилутчимъ.

ПРИМѢРЪ
Супружественныя любви.

За нѣсколько лѣтъ назадъ, свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь по окрестностямъ Дижона, главнаго города Бургоніи. Въ недалекой отъ онаго деревнѣ *Руфей*, одна поселянка ни на минуту не покидала мужа своего чрезъ все время исчезанія его отъ заразы. Онъ умеръ, то же самое постигло и ея.

Въ недалекомъ разстояніи обитавшая помѣщица, сжаляся надъ нею, ибо была примѣромъ супружеской вѣрности, житія безпорочнаго, посылаетъ къ ней домоваго своего врача и всякія нужныя вспомоществованія.... Сей-то послѣдній сказывалъ пишемое здѣсь. На вопросы его, что чувствуетъ, какъ постигла ея болѣзнь, какъ усиливалися припадки оныя? молчитъ, сжимаетъ руки, устремляетъ взоры горѣ. Священникъ прихода того тщетно убѣждаетъ ея отвѣчать; именуетъ человѣколюбивую особу, столь богоугодно объ ней пекущуюся, и что она ничего не оставитъ могущаго быть ей полезно; что все потребное къ продовольствію ея уже прислала и присылать будетъ.... „Отецъ мой!„ напослѣдокъ говоритъ Священнику больная, „Возблагодарите „милостивую сію госпожу. Самъ Богъ „воз-

„ воздастъ ей; но мнѣ ничего не надобно. Твердо положила я въ себѣ не „ принимать ни какихъ лѣкарствъ. Лишилась я мужа. Всегда терпѣли мы „ съ нимъ бѣдность, но любились сердечно. Онъ мнѣ, а я ему все были „ на свѣтѣ. Ево не стало, болѣе не „ хочу жить.„

Служитель олтаря безуспѣшно проситъ ея не отрѣвать предложенія госпожи, что упорностію своею прогнѣвляетъ и самаго Всевышняго . . . . . „ Нѣтъ, „ Создатель не раздражается намѣреніемъ послѣдовать женѣ за мужемъ. „ Имъ самимъ благословляется супружеская любовь. „ . . . . . Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ сего, въ шестый день по кончинѣ мужней, оканчевается и ея жизнь.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІИ СОДЕРЖАНІЙ.